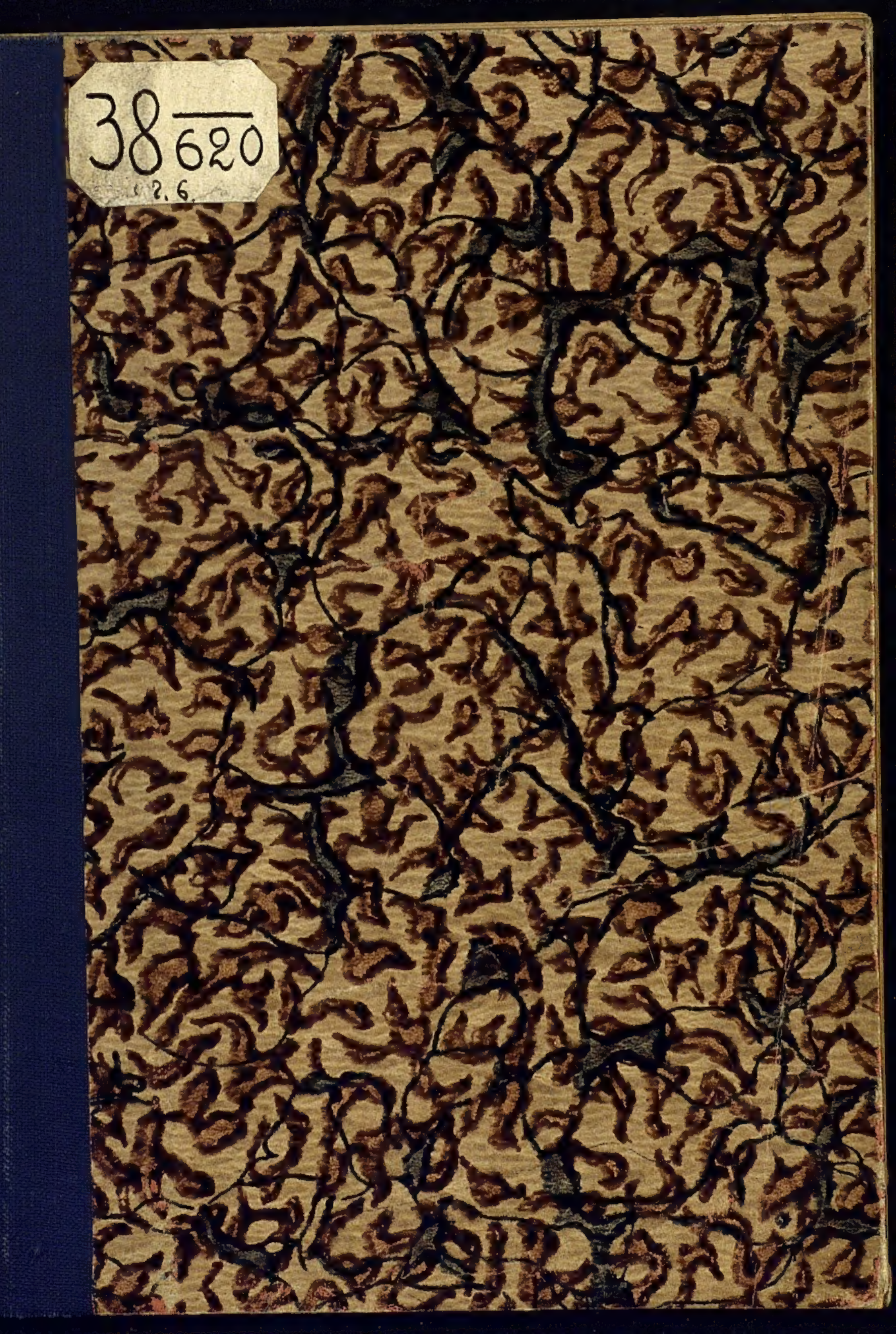
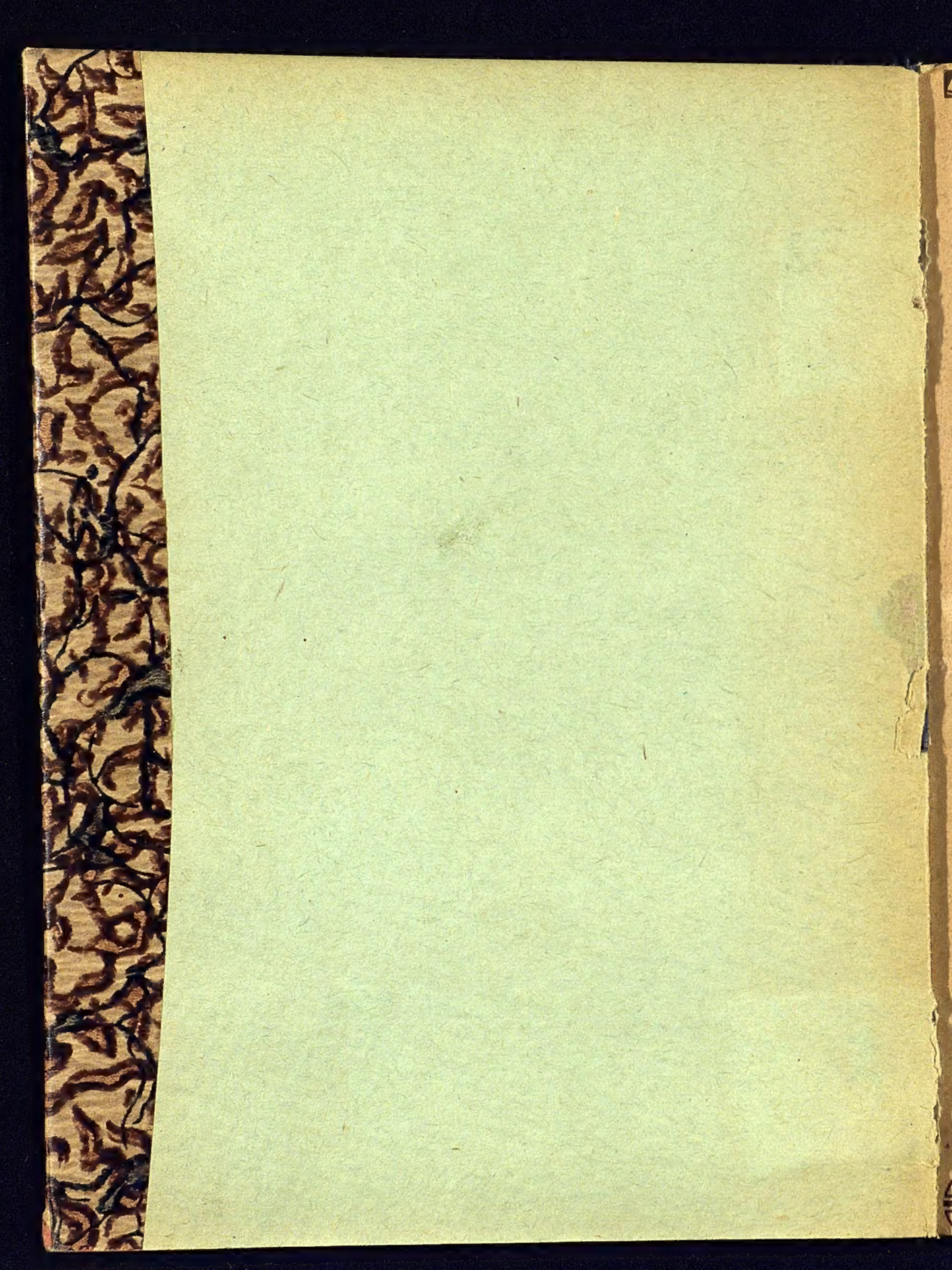

Дешевая библіотека для семьи и школы.

В. Алексѣевъ.

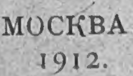
300-лѣтіе Смутнаго времени.

Очеркъ VI.

Протопопъ Савва. — Діонисій и Авраамій Палицынъ.

МОСКВА
1912.

Книгоиздательство Д. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

НОВЫЯ КНИГИ:

АБРАМОВИЧЪ, Н. Дѣтскіе годы Чехова. Ц. 12 к.

АЛЕКСѢЕВЪ, В. М. В. Ломоносовъ. Съ рис. Ц. 15 к.

— **300-лѣтіе Смутнаго времени.**

Очеркъ I. Царь Борисъ.—Царь Дмитрій Самозванецъ. Ц. 8 к.

Очеркъ II. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.— Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Ц. 6 к.

Очеркъ III. Патріархъ Гермогенъ. Ц. 3 к.

Очеркъ IV. Прокопій Ляпуновъ. Ц. 3 к.

Очеркъ V. Козьма Мининъ. — Кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій Ц. 8 к.

Очеркъ VI. Протопопъ Савва.—Діонисій и Авраамій Палицынъ. Ц. 5 к.

АЛТАЕВЪ, Ал. Великій день черныхъ рабовъ. Съ рис. худ. Н. А. Богатова. Ц. 15 к.

— **Старая пѣсня яблонь.** Разсказы. Съ рис. худ. К. Фридберга. Ц. 30 к.

— **Въ татарской неволѣ.** Съ рис. худ. К. Фридберга. Ц. 30 к.

Дѣтскія сказки со всего бѣлаго свѣта. Пер съ Бостонскаго изд. Кн. Е. С. Кудашевой Ц. 50 к. въ переплетѣ.

МАРСЪ, Ф. Госпожа Крыса и Неизвѣстный. Разсказъ. Переводъ В. Гатцук. Ц. 3 к.

— **Карръ.** Разсказъ. Переводъ В. Гатцука. Ц. 3 к.

— **Пара слѣпыхъ.** Разсказъ. Переводъ В. Гатцука. Ц. 3 к.

ЕРМИЛОВЪ, В. Е. Отъ лакейской до дворцовыхъ палатъ. Съ рис. худ. А. Апсита. Ц. 45 к.

— **Юность Добролюбова.** Съ рис. худ. А. Апсита. Ц. 30 к.

НАЖИВИНЪ, Ив. Дѣдушка Толстой. Ц. 5 к.

— **Мирушины разсказы.** Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 20 к.

— **Орѣхъ.** Ц. 5 к.

— **Крестьянскія дѣти.** Выпускъ первый. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 20 к.

— **Крестьянскія дѣти.** Выпускъ второй. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 15 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Мученики Шипки. Ц. 50 к.

— **Послѣдніе богатыри.** Ц. 50 к.

НИКИТИНЪ, И. С. Моленіе о чашѣ. Ц. 1 к.

— **Жена ямщика.** Ц. 1 к.

— **Кулакъ.** Ц. 15 к.

— **Сборникъ избран. стих. съ біогр. очеркомъ,** сост. Д. И. Тихомировымъ. Ц. 15 к.

Отечественная война 1812 г. въ басняхъ и стихотвореніяхъ, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

ПОГОДИНЪ, А., проф. Волшебный міръ. Ц. 20 к.

Дешевая библіотека для семьи и школы.

В. Алексѣевъ.

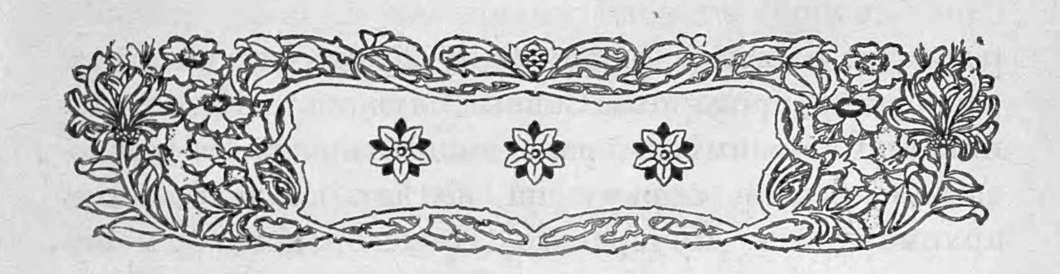
300-лѣтіе Смутнаго времени.

Очеркъ VI.

Протопопъ Савва. — Діонисій и Авраамій Палицынъ.

Изданіе редакціи журнала «ЮНАЯ РОССІЯ».
Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.
1912.

Протопопъ Савва.

Савва Ефимьевъ, протопопъ Спасо-Преображенскаго нижегородскаго собора, среди людей Смутной поры, долженъ стоять рядомъ съ Мининымъ и Пожарскимъ. Онъ вмѣстѣ съ ними работалъ надъ устройствомъ ополченія въ Нижнемъ Новгородѣ, воодушевлялъ и поднималъ народъ идти освобождать Москву отъ поляковъ.

Мало что намъ извѣстно изъ жизни этого преданнаго отечеству гражданина. Мы знаемъ, что раньше Савва былъ священникомъ церкви Козьмы и Демьяна, что́ въ старомъ острогѣ въ Нижнемъ; оттуда его и перевели въ Спасо-Преображенскій соборъ. Это было около 1604 года. А въ 1608 году при царѣ Василіи Шуйскомъ Савва становится во главѣ всего нижегородскаго духовенства,—оно отдается ему подъ начало. Царь пожаловалъ соборъ землей, назначилъ духовенству соборному жалованье и приказалъ игуменамъ и „попамъ всего го-

рода", т. е. всему черному и бѣлому духовенству „спасскаго протопопа Саввы слушать". На ослушниковъ Савва имѣлъ право налагать штрафы и даже сажать ихъ въ тюрьму на недѣлю. Только одинъ архимандритъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря не былъ подчиненъ Саввѣ.

Вотъ какое высокое положеніе занималъ Савва въ Нижнемъ.

Когда въ Нижній пришла грамота Троицкаго монастыря, и городскія власти собрались на воеводскомъ дворѣ для совѣта, въ ихъ числѣ былъ и Савва. Онъ горячо отозвался на призывъ троицкихъ властей. Послѣ обѣдни въ соборѣ, куда на другой день послѣ совѣта, какъ мы знаемъ, собрался народъ, Савва вышелъ изъ алтаря и прочиталъ троицкую грамоту, а потомъ и самъ сказалъ народу рѣчь. Звалъ собираться въ походъ и идти къ Москвѣ, жертвовать всѣмъ ради спасенія отечества.

Савва стоялъ на самомъ верху нижегородскаго общества, и когда высшіе круги общества увидали, что протопопъ пошелъ объ руку съ посадскимъ человѣкомъ Мининымъ, то и они пошли за посадскими людьми, и нижегородское движеніе, начатое посадскимъ міромъ во главѣ съ Мининымъ, сдѣлалось теперь общимъ.

Савва и дальше принималъ живое и большое участіе въ нижегородскомъ движеніи. Онъ привѣтствуетъ въ соборѣ князя Пожарскаго и благословляетъ его на подвигъ. Онъ отправляется въ Казань

уладить дѣло съ казанцами насчетъ сборовъ ополченія и похода въ Москву. И онъ же ѣдетъ въ освобожденную уже Москву выбирать царя. Нижегородцы оказали Саввѣ особое довѣріе,—послали на земскій соборъ 1613 года именно его, а не кого-либо другого.

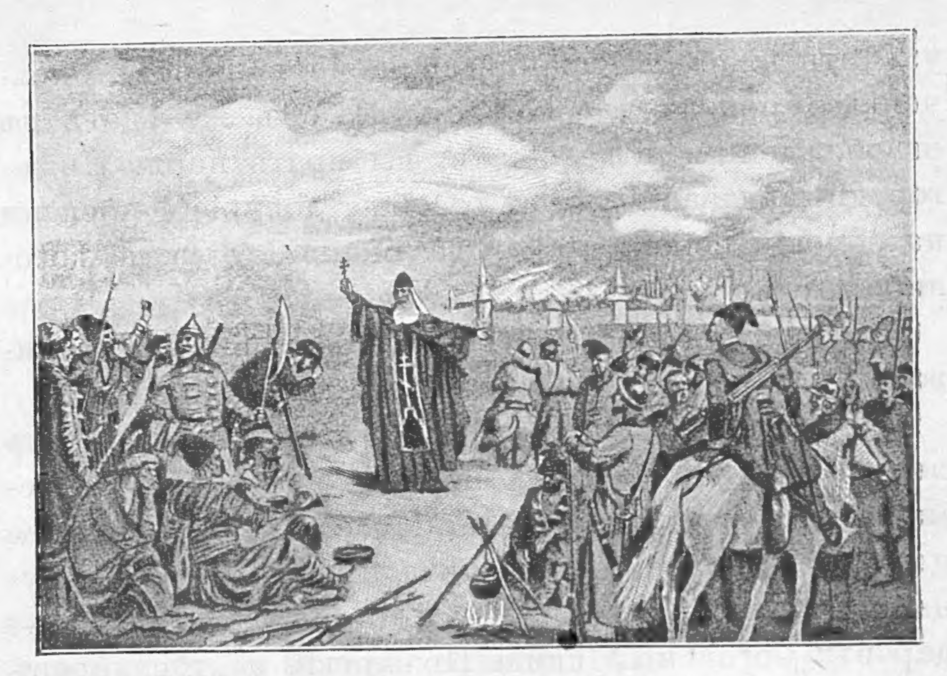
Таково участіе Саввы въ нижегородскомъ движеніи.

Правду сказалъ одинъ нашъ историкъ, что въ величественной картинѣ народнаго движенія, устремившагося изъ Нижняго въ Москву, „всего виднѣе для насъ три нижегородскихъ имени: „сирота государевъ“—посадскій человѣкъ Мининъ, „слуга государевъ“—стольный князь Пожарскій и „государевъ богомолецъ“—протопопъ Савва.

Другими словами—представители трехъ классовъ московскаго государства: торгово-промышленнаго, служилаго и духовенства.

Вмѣстѣ съ Мининымъ новое правительство пожаловало Савву землей, отведенной ему у Спасскаго собора.

Авраамій Палицынъ въ Станѣ казаковъ.

Діонисій и Авраамій Палицынъ.

Бываютъ люди, для которыхъ жить—значитъ помогать другимъ и, по-евангельски, — „полагать душу за други своя“. Для нихъ жизнь—подвигъ любви. Другой жизни—для себя, для своей пользы, удовольствія,—они не понимаютъ и не знаютъ.

Вотъ такимъ человѣкомъ и былъ Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевскаго монастыря.

Передъ Діонисіемъ открывалась блестящая карьера въ міру. Красивый, статный, съ длинной до пояса русой бородой и умными свѣтящимися радостью глазами, онъ плѣнялъ каждаго, кто съ нимъ

заговаривалъ или просто встрѣчался. Пріятный голосъ, увлекательная рѣчь дополняли обаятельную внѣшность его. Но Діонисій жизни для себя предпочелъ жизнь для другихъ, промѣнялъ удовольствія и радости жизни на лишенія и трудъ.

Отецъ Діонисія былъ въ Старицѣ старостой въ ямской слободѣ. Когда сынъ его Давидъ подросъ, онъ отдалъ его учиться грамотѣ монаху. Мальчикъ оказался способнымъ, живо выучился читать и писать и пошелъ обычной дорогой тогдашнихъ грамотеевъ. Достигши совершенныхъ лѣтъ, Давидъ посвятился въ священники въ одномъ изъ селъ, принадлежавшихъ Старицкому Богородицкому монастырю. Служба молодого священника привлекала массу молящихся. Онъ внятно, съ чувствомъ читалъ и хорошо пѣлъ своимъ красивымъ голосомъ. Но черезъ шесть лѣтъ у Давида умерла жена, оставивъ ему двухъ сыновей. Тогда онъ постригся въ монахи въ Старицкомъ монастырѣ, принявъ имя Діонисія.

Такъ началась новая, монастырская жизнь для Давида, теперь Діонисія.

Изъ Старицы Діонисій нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву. Однажды онъ зашелъ въ книжный рядъ посмотрѣть, нѣтъ ли интересныхъ книгъ. Совсѣмъ еще молодой, да притомъ красивый монахъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ. Нашлись шутники, которые стали подсмѣиваться надъ нимъ. Вотъ-де какой красавецъ въ монахи попалъ, не монастырь у него на умѣ! Другіе стали останавливать озор-

никовъ; но Діонисій самъ сказалъ одному изъ нихъ: „Ты правъ, братъ, если бы я былъ хорошій монахъ, то не шатался бы по торжищамъ, а сидѣлъ бы въ кельѣ".

„Трудъ, работа, а не праздношатаніе и глазѣнье— дѣло монаха". Такъ подумалъ Діонисій, услыхавъ насмѣшку, и упрекнулъ себя, что шатается безъ дѣла по торгу.

Діонисія оцѣнили въ монастырѣ и скоро выбрали архимандритомъ. По дѣламъ монастыря онъ часто сталъ бывать въ Москвѣ и видѣться здѣсь съ патріархомъ Гермогеномъ. Патріархъ и архимандритъ сдѣлались друзьями. Ихъ соединила общая любовь къ отечеству, горячее желаніе помочь русскимъ людямъ въ бѣдѣ, т. е. разореніи отъ смуты, и Гермогенъ необыкновенно любовно и восторженно отзывался о Діонисіи. Онъ ставилъ его въ примѣръ другимъ священникамъ и монахамъ. „Смотрите,— говорилъ патріархъ,—на Старицкаго архимандрита, никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается. На царскихъ и народныхъ собраніяхъ всегда тутъ". Гермогенъ разумѣлъ усердіе Діонисія къ церкви и вѣрность царю Василію Шуйскому

Въ приходъ Тушинскаго Вора Діонисій оставался въ Москвѣ и помогалъ Гермогену бороться съ „тушинцами" и отстаивать Василія Шуйскаго. Онъ вмѣстѣ съ патріархомъ выходилъ не разъ къ народу на площадь отговаривать его не бунтовать противъ законнаго царя, не сводить Шуйскаго съ царства.

Это и имѣлъ въ виду Гермогенъ, говоря о цар

скихъ и народныхъ собраніяхъ, на которыхъ всегда бывалъ Діонисій.

Такъ обстоятельства вывели Діонисія изъ монастырской кельи, въ которую онъ, было, укрылся, на широкій просторъ политической жизни и поставили его въ самый разгаръ ея. Еще больше дѣла, однако, предстояло ему впереди.

Главная дѣятельность Діонисія на этомъ поприщѣ началась тогда, когда онъ сдѣлался архимандритомъ Троице-Сергіевскаго монастыря. Это произошло уже послѣ снятія осады монастыря Сапѣгой и Лисовскимъ. То былъ самый разгаръ Смуты. „Лихое“ время, какъ тогда говорилъ народъ. И такіе люди, какъ Діонисій, особенно были нужны. Слишкомъ много было тогда на Руси обездоленныхъ и страдающихъ, не знающихъ, гдѣ приклонить голову, найти утѣшеніе или облегченіе. „Нѣкоторые, по словамъ очевидцевъ, — были всѣ испечены огнемъ; у иныхъ вырваны на головѣ волосы; множество калѣкъ валялось по дорогамъ,—у однихъ были вырѣзаны полосы кожи на спинѣ, у другихъ отсѣчены руки и ноги, у кого были слѣды обжоговъ на тѣлѣ отъ раскаленныхъ камней“. Это все жертвы насилій поляковъ и казаковъ.

Троицкій монастырь,—большой и богатый (ему принадлежало до тысячи селъ и деревень), и близкій къ Москвѣ, былъ единственнымъ прибѣжищемъ для русскихъ людей въ то время. И всѣ сюда устремлялись. Одни, чтобы найти пріютъ, другіе утѣшеніе, совѣтъ, третьи спокойно умереть.

Обстоятельства возложили на обитель Сергія большую и тяжелую обязанность. И стоявшій тогда во главѣ ея Діонисій не смутился, взялъ на себя эту обязанность и выполнилъ ее.

Онъ понастроилъ въ монастырѣ и окрестныхъ селахъ—Служней, Клементьевѣ—больницы и страннопріимные дома. Монахи и служки ѣздили по окрестностямъ и подбирали по деревнямъ и дорогамъ больныхъ, раненыхъ, обезсилѣвшихъ отъ голода. Голодныхъ кормили, поили, раненыхъ и больныхъ помѣщали въ больницы. Наняты были женщины, которыя шили бѣлье и стирали. Подбирали по дорогамъ также и умершихъ и погребали ихъ. За всѣмъ смотрѣлъ самъ Діонисій и самъ же помогалъ братіи ухаживать за больными. Выдавалъ лѣкарства, перевязывалъ раны, напутствовалъ умирающихъ. Не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Средствъ монастырскихъ Діонисій не жалѣлъ. Все пустилъ въ оборотъ, ничего не хотѣлъ оставлять себѣ и братіи.

„Отъ осады большой (поляковъ) Богъ избавилъ насъ,—говорилъ Діонисій,—а за лѣность и скупость можетъ хуже еще смирить. Видимъ всѣ, что Москва въ осадѣ, а литовскіе люди разсыпались по землѣ; что у насъ ни есть хлѣба ржаного, и пшеницы, и квасовъ въ погребѣ,—все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной; и безъ кваса, съ одной водой не умремъ“.

Со всѣхъ концовъ разоренной и измученной врагами Руси шли люди въ Троицкую обитель и

находили себѣ здѣсь пріютъ. Много ихъ было здѣсь. Но еще больше оставалось на мѣстахъ,—тоже обездоленныхъ, упавшихъ духомъ, съ опущенными руками, не знавшихъ, что дѣлать. Имъ нужна была помощь духовная. Ихъ надо было ободрить, поднять духъ ихъ, вызвать ихъ на борьбу съ врагомъ.

Не довольно только залѣчивать раны и помогать голоднымъ и безпріютнымъ. Если не истребить врага, не освободить отъ него страну, то голоднымъ и безпріютнымъ и больнымъ не будетъ конца; скоро вся земля обнищаетъ и погибнетъ. Надо собрать все, что еще есть въ русской землѣ сильнаго и здороваго, и двинуть противъ врага и освободить отъ него землю. Тогда не будетъ ни обездоленныхъ, ни больныхъ, и народъ русскій, свободный, опять заживетъ прежнею жизнью. Надо ободрить народъ, поднять его противъ поляковъ.

Такъ думалъ Діонисій; и пока одни монахи работали въ больницахъ и пріютахъ, другихъ онъ засадилъ за иную работу. Заставилъ переписывать грамоты съ призывомъ народа идти на поляковъ къ Москвѣ. День и ночь наспѣхъ писали монахи, а гонцы, нарочные развозили и разносили грамоты по городамъ. Это были тѣ самыя грамоты, которыя получили названіе „троицкихъ“,—грамоты троицкихъ властей.

Такая грамота „троицкихъ властей“ и пришла въ Нижній 6 октября 1611 года.

„Видите,—писалъ Діонисій съ братіей нижегородцамъ,—приходитъ намъ конечная гибель. Все

разорено, поругано, безчисленное множество народа въ городахъ и селахъ кончили жизнь подъ лютыми, горькими муками. Нѣтъ пощады ни сѣдинамъ многолѣтнихъ старцевъ, ни сосущимъ молоко младенцамъ. Сжальтесь надъ нашею погибелью, чтобы и васъ самихъ не постигла лютая смерть. Бога ради, пусть весь народъ положитъ подвигъ страданія, чтобъ всѣмъ православнымъ людямъ быть въ соединеніи, а вы, служилые люди, поспѣшайте безъ малѣйшаго замедленія къ Москвѣ въ сходъ къ боярамъ и воеводамъ, и ко всему множеству христіанскаго народа. Сами знаете, что всякому дѣлу есть свое время, а безвременное начинаніе бываетъ суетно и бездѣльно. Если между вами есть и будутъ нелады, Бога ради, отложите это до времени, чтобъ намъ всѣмъ за одно положить свой подвигъ и пострадать для избавленія христіанской православной вѣры“.

Что сдѣлали грамоты троицкихъ властей, — мы знаемъ. Онѣ вселили бодрость духа въ сердца русскихъ людей, подняли русскій народъ противъ поляковъ и привели его подъ кремлевскія московскія стѣны съ Мининымъ и Пожарскимъ во главѣ.

Троицкія власти были въ хорошихъ отношеніяхъ съ казаками. Они видѣли, что казаки, хотя и грабили, и насильничали, все же бились съ поляками. И Діонисій съ братіей надѣялись на нихъ. Они даже думали, что безъ казаковъ не освободить Москвы, и въ грамотахъ своихъ убѣждали ополченцевъ Минина и Пожарскаго соединиться съ каза-

ками, дѣйствовать противъ поляковъ сообща съ казаками. Такъ будетъ вѣрнѣй дѣло, по ихъ мнѣнію. А когда ополченіе пришло къ Москвѣ, троицкія власти употребили всѣ свои усилія, чтобы примирить Пожарскаго, вождя ополченцевъ, съ Трубецкимъ, вождемъ казаковъ, и соединить ихъ силы. И добились своего.

Здѣсь Діонисію помогъ келарь того же Троицкаго монастыря извѣстный Авраамій Палицынъ. Это тоже дѣятель Смутнаго времени—сотрудникъ и помощникъ Діонисія, его правая рука, какъ въ монастырскихъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ.

Въ монастырь Палицынъ попалъ не по своей волѣ. При царѣ Ѳедорѣ его, тогда еще въ міру Аверкія, за что-то постигла кара. У него отобрали имѣніе, сослали и постригли въ монахи. Царь Борисъ Годуновъ снялъ съ Палицына опалу, но неблаговолилъ къ нему, и Авраамій оставался въ тѣни. Только когда на царство вступилъ Василій Шуйскій, Палицынъ былъ взысканъ царскими милостями и сразу выдвинулся. Онъ получилъ даже свои земли, съ него не взяли пошлинъ за нихъ, и занялъ важный постъ келаря въ такомъ знаменитомъ и близкомъ къ царямъ монастырѣ, какъ Троице-Сергіевскій.

Человѣкъ даровитый и замѣтный, не мало положившій труда за отечество, Авраамій Палицынъ былъ, однако, совсѣмъ иной, чѣмъ Діонисій. Если троицкій архимандритъ былъ человѣкомъ „не отъ міра сего“, то келарь его былъ именно человѣкъ

„отъ міра сего“, „мірской“, или „практичный“, какъ мы теперь называемъ такихъ людей. Для Діонисія не было своей выгоды, корысти,—о себѣ и своихъ интересахъ онъ меньше всего думалъ. А Авраамій Палицынъ былъ себѣ на умѣ и зорко слѣдилъ за своей выгодой и за выгодой своего монастыря.

Когда его послали вмѣстѣ съ другими послами—Филаретомъ, Вас. В. Голицынымъ,—подъ Смоленскъ просить Владислава на царство, то онъ скоро ушелъ оттуда, не пожелавъ остаться въ плѣну и пострадать за свободу и честь родины. Своя выгода перетянула въ немъ интересъ отечества.

Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ не отпускалъ сына Владислава въ Москву и не соглашался на принятіе имъ православной вѣры. Онъ требовалъ отъ пословъ сдать Смоленскъ, который тогда былъ осажденъ поляками, и присягнуть не Владиславу, а ему самому. Сигизмундъ хотѣлъ самъ сѣсть на московскомъ царствѣ, соединить въ своихъ рукахъ и польское, и московское государство. И хотѣлъ сѣсть въ Москвѣ на всей своей волѣ, безъ всякихъ условій. Послы на это не могли согласиться: тогда бы русскому народу пришлось подчиниться Польшѣ и потерять православную вѣру. Кромѣ того, имъ даны были точныя инструкціи изъ Москвы, отъ которыхъ они не могли отступиться. Имъ наказано было просить Владислава въ Москву и ничего больше и на условіяхъ договора, заключеннаго еще въ Москвѣ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ. И какъ Сигизмундъ и паны ни старались,—главные послы,

Филаретъ и В. В. Голицынъ, остались при своемъ. Не склонились ни на увѣщанія, ни на обѣщанія, ни на подарки королевскіе. Блага родины не промѣняли на Сигизмундовы милости, не отступились отъ инструкціи,—не забыли словъ Гермогена, крѣпко стоять за вѣру и свободу отечества.

Не сломивъ главныхъ пословъ, поляки приступили къ второстепеннымъ посламъ. Хотѣли отъ нихъ получить согласіе на свои требованія и послать потомъ въ Москву сказать, что послы измѣнили договору и согласны на условія Сигизмунда.

Въ числѣ второстепенныхъ пословъ былъ Авраамій Палицынъ. И вотъ онъ-то не выдержалъ, сдался вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими послами. Келарь Троицкаго монастыря рѣшилъ, чѣмъ спорить съ поляками и потомъ томиться въ польскомъ плѣну,—лучше сдаться на милость Сигизмунда и убраться домой. Такъ выгоднѣй и для себя, и для монастыря. Взявъ подарки и грамоту на землю отъ Сигизмунда, Палицынъ уѣхалъ въ Москву.

О своихъ трудахъ и заслугахъ передъ родиной въ Смутное время Палицынъ повѣдалъ намъ самъ. Онъ описалъ осаду Троицкой лавры поляками и избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова на царство, и изъ этой книги мы подробно узнаемъ, что дѣлалъ во время Смуты троицкій келарь.

При осадѣ Лавры Авраамій не присутствовалъ. Онъ находился въ Москвѣ, жилъ на извѣстномъ и теперь Троицкомъ подворьѣ и хлопоталъ здѣсь за

свою обитель. Когда въ Москвѣ наступилъ голодъ, не было хлѣба (Москва была обложена Тушинскимъ Воромъ), Палицынъ распродалъ монастырскій хлѣбъ по пониженной цѣнѣ. Послѣ низложенія Шуйскаго и избранія Владислава, онъ отправился съ послами въ Смоленскъ, но скоро оттуда вернулся въ Москву. Въ это время архимандритомъ Троицкаго монастыря сдѣлался Діонисій. На очереди стоялъ вопросъ,—какъ очистить Москву отъ поляковъ, какъ спасти Русь. Лавра рѣшила этотъ вопросъ. Настоятель ея Діонисій, какъ мы уже знаемъ, устроилъ широкую помощь народу и громко призвалъ народъ возстать на поляковъ и избавить отъ нихъ Москву. Авраамій Палицынъ явился тогда въ монастырь и ревностно сталъ помогать Діонисію,—помогать пострадавшимъ отъ смуты и разсылать грамоты по городамъ. Работа захватила и архимандрита, и келаря Лавры.

Нижегородцы поднялись. Троицкія власти—Діонисій и Авраамій — напряженно ждали прихода ополченія къ Москвѣ. И такъ какъ походъ ополченцевъ „замѣшкался“, то они торопили ихъ. Палицынъ особенно горячился. Онъ негодовалъ на Пожарскаго, что онъ долго шелъ, готовъ былъ ославить его сгоряча измѣнникомъ. Палицыну хотѣлось непремѣнно соединить ополченцевъ съ казаками. А Пожарскій потому и медлилъ, что не хотѣлъ соединяться съ казаками, выжидалъ, пока они уйдутъ отъ Москвы. Но Палицынъ стоялъ на своемъ, посылалъ пословъ къ Пожарскому, писалъ письма.

И добился своего. Въ рѣшительный моментъ вождь ополченцевъ Пожарскій и вождь казаковъ Трубецкой подали другъ другу руку и вмѣстѣ одолѣли врага.

Здѣсь Авраамій оказалъ родинѣ цѣнную, большую услугу.

У св. Климента, что на Пятницкой, происходило горячее дѣло, потомъ у св. Екатерины на Ордынкѣ. Сила русскихъ начинала слабѣть, уступать полякамъ, а казаки стояли да посматривали на дерущихся. У иныхъ чесались руки, да начальникъ Трубецкой не разрѣшалъ помогать ополченцамъ. Тогда Пожарскій послалъ къ Авраамію Палицыну, который въ это время служилъ обѣдню у Иліи Обыденнаго, и попросилъ его уговорить казаковъ помочь ополченцамъ. Авраамій охотно согласился и, подойдя къ Климентовскому острогу, гдѣ шелъ бой, сталъ усовѣщевать казаковъ.

„Отъ васъ началось дѣло доброе,—говорилъ келарь казакамъ,—вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростью, а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить!“

Затѣмъ Палицынъ переправился черезъ Москву-рѣку и проникъ въ казацкіе таборы. Здѣсь шла игра въ зернь, и было пьянство. Босые, оборванные казаки отъ нечего дѣлать проигрывались и пропивались. Однако, когда Авраамій пристыдилъ ихъ, они побросали игру и съ криками: „Сергіевъ! Сергіевъ!“ побѣжали на другую сторону рѣки къ

Климентовскому острогу и здѣсь вмѣстѣ съ другими казаками ринулись въ бой. Слова Палицына возымѣли дѣйствіе, и побѣда перешла къ русскимъ. Острогъ оказался въ ихъ рукахъ, и вскорѣ затѣмъ отступилъ и ушелъ гетманъ Хоткевичъ...

Можно было думать, что архимандрита Діонисія за труды, понесенные имъ во время смуты, ждетъ всеобщее уваженіе и горячая благодарность. Можно было думать, что у новаго правительства найдетъ онъ себѣ постоянное и неизмѣнное покровительство. Случилось, однако, наоборотъ. Отъ новаго правительства Діонисій испыталъ гоненія, и закатъ его трудовой жизни омрачился людской неблагодарностью и несправедливостью.

Діонисію поручили исправить богослужебныя книги. Когда же онъ исправилъ, его обвинили въ ереси. Правительство повѣрило не этому начитанному и уже извѣстному своей патріотической дѣятельностью въ Смутное время человѣку, а невѣждамъ, корыстнымъ неучамъ, врагамъ просвѣщенія. Мать царя—Марѳа Ивановна, а вслѣдъ за ней и самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ приняли сторону враговъ Діонисія, и онъ былъ вызванъ къ допросу.

Защищаться противъ обвиненій неучей просвѣщенному человѣку мудрено, да и безполезно. Неудивительно поэтому, что Діонисія признали виновнымъ въ ереси и приговорили уплатить штрафъ въ 500 рублей. Но какъ могъ онъ заплатить штрафъ, когда у него не было ни копейки собственныхъ денегъ? И онъ не заплатилъ, и его, по древне-рус-

скому обычаю, поставили на правежъ, т. е. стали силой, наказаніемъ вынуждать уплатить штрафъ.

Человѣка, который отдалъ всего себя на служеніе ближнему, стоялъ въ рядахъ спасителей родины отъ поляковъ, заковали въ оковы и поставили въ сѣняхъ на патріаршемъ дворѣ.

Каждый день привозили его сюда и каждый день надъ нимъ глумились, издѣвались, неотступно требовали денегъ. А Діонисій спокойнымъ, твердымъ голосомъ говорилъ:

„Денегъ нѣтъ, да и давать не за что. Эка бѣда, что разстричь хотятъ! Это значитъ—не разстричь, а достричь. Грозятъ мнѣ Сибирью, Соловками. Я не боюсь этого. Я тому и радъ. Это мнѣ и жизнь“.

„За Діонисіемъ присылали нарочно въ праздничные или торговые дни, когда много было народа, приводили его пѣшкомъ или привозили его на самой негодной лошади, безъ сѣдла, въ цѣпяхъ, въ рубищѣ, на позоръ толпѣ, изъ которой кидали въ него грязью и пескомъ; но онъ все это терпѣлъ, съ веселымъ видомъ, смѣялся, встрѣчаясь со знакомыми. Привезутъ его иногда до обѣдни, иногда послѣ обѣдни и поставятъ скованнаго въ подсѣньи на дворѣ митрополичьемъ; стоитъ онъ тутъ съ утра до вечера, и не дадутъ ему воды чашки, а время было іюнь, іюль мѣсяцы, дни жаркіе; митрополитъ Іона сядетъ съ соборомъ за столъ, а Діонисій съ учениками своими празднуетъ подъ окномъ его келій въ кулакахъ да пинкахъ, а иногда и достанется и батогомъ“.

Денегъ съ Діонисія, конечно, не взыскали и сослали его сначала въ Кирилло-Бѣлозерскій, а потомъ Ново-Спасскій монастырь въ Москвѣ. Только когда вернулся изъ плѣна Филаретъ и занялъ патріаршій престолъ, Діонисій получилъ свободу. Филаретъ пересмотрѣлъ дѣло троицкаго архимандрита, нашелъ, что онъ правъ, и вернулъ его въ Лавру. Въ 1633 году Діонисій умеръ и погребенъ въ Лаврѣ.

Не избылъ лишеній и нужды и оборотливый келарь Троицкаго монастыря.

Послѣ Смуты онъ продолжалъ занимать видное положеніе. Онъ принималъ большое участіе въ избраніи царя. Къ нему многіе приходили совѣтоваться,—кого выбрать въ цари. Авраамій стоялъ за Романовыхъ и всѣмъ указывалъ на Михаила Θеодоровича. Наконецъ, послѣ выборовъ, Авраамій отправляется въ числѣ пословъ въ Кострому просить Михаила Θеодоровича на царство въ Москву.

Но послѣдніе семь лѣтъ жизни мы видимъ Авраамія Палицына въ Соловкахъ, въ ссылкѣ. Здѣсь 13 сентября 1627 года онъ и скончался, здѣсь же и погребенъ.

ПОКРОВСКІЙ, С. В. Календарь природы.

I. Зима. Со многими рис. Ц. 20 к.

II. Весна. Со многими рис. Ц. 30 к.

III. Лѣто. Со многими рис. Ц. 20 к.

IV. Осень. Со многими рис. Ц. 25 к.

ПРУЖАНСКІЙ, Н. Изъ разсказовъ Фильки медвѣжатника. Ц. 15 к.

РАДИЧЪ, В. А. Дѣтскіе разсказы. Съ рис. Ц. 40 к.

РОБЕРТСЪ, Ч. Владыка стекляннаго дома. Очеркъ. Пер. В. Гатцука. Ц. 3 к.

— **Король пылающихъ колецъ.** Разсказъ. Перев. В. Гатцука. Ц. 10 к.

— **Во мракѣ невѣдомаго.** Разсказъ. Перев. В. Гатцука. Ц. 6 к.

— **Стариннаго, твердаго закала.** Разсказъ. Перев. В. Гатцука. Ц. 3 к.

САВВИНЪ, Н. Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1911 г. Ц. 25 к.

СВѢШНИКОВА, Е. Добрый старикъ. Ц. 5 к.

СѢРОПОЛКО, С. О. Народныя библіотеки. Порядокъ открытія библіотекъ и ихъ организація. Ц. 15 к.

ТУГАНЪ, Л. Повѣсти и разсказы. Выпускъ первый. Съ рис. худ. Н. А. Богатова. Ц. 25 к.

— **Повѣсти и разсказы.** Выпускъ второй. Съ рис. худ. Н. А. Богатова и В. В. Спасскаго. Ц. 25 к.

— **Разсказы и сказки.** Съ рис. худ. Н. Н. Богатова. Ц. 20 к.

— **Два странника.** Съ рис. худ. Н. А. Богатова. Ц. 10 к.

УАЙЛЬДЪ, О. Духъ Кэнтервилля. Въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой. Ц. 10 к.

ЦЕБРИКОВА, М. Разсказъ няни Ц. 10 к.

— **Мой отецъ.** Ц. 10 к.

ШВЕДЕРЪ. Разсказы для малышей. Ц. 20 к.

— **Странички изъ жизни Никитина.** Ц. 5 к.

— **Странички изъ жизни Кольцова.** Ц. 5 к.

— **Странички изъ жизни Пушкина.** Ц. 5 к.

ШЕВЧЕНКО, Т. Г. Біографія и избр. стих., подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 12 к.

ШКЛЯРЪ, Н. Лѣтняя сказочка про малютокъ подъ елочкой и лѣсного шпыря, про листвянокъ и дуплянокъ, лѣсовиковъ, моховичковъ и про весь народъ мурзиличій. Роскошное изданіе съ цвѣтными рисунками въ 3 краски художника М. Щеглова. Ц. 1 р.

ШМЕЛЕВЪ, Ив. Въ новую жизнь. Повѣсть. Съ рисунками худ. Н. Богатова. Ц. 50 к.

— **Служители правды.** Повѣсть. Съ рис. худ. Андронова и Живаго. Ц. 50 к.

— **Къ свѣтлой цѣли.** Первая книга разсказовъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— **Они и мы.** Вторая книга разсказовъ. Съ рис. Ц. 45 к.

ЭКЪ, Е. Вѣрные друзья. Съ рис. Ц. 15 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ завед., въ городскія, по положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

безплатныхъ приложеній.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

---

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:

Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.
Съ достав. и пересылк. на годъ	5 » — »
Безъ доставки на $3/4$ года	3 » 50 »
Съ достав. и перес. на $3/4$ года	3 » 75 »
Безъ доставки на $1/2$ года	2 » 25 »
Съ достав. и перес. на $1/2$ года	2 » 50 »
Безъ доставки на $1/4$ года	1 » 15 »
Съ достав. и перес. на $1/4$ года	1 » 25 »

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ	5 р. — к.
Съ достав. и перес. на годъ	6 » — »
Безъ достав. на $3/4$ года	3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $3/4$ года	4 » 50 »
Безъ доставки на $1/2$ года	2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $1/2$ года	3 » — »
Безъ доставки на $1/4$ года	1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $1/4$ года	1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССІИ“) ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.
За перемѣну адреса 28 коп. марками.
Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., $1/2$ стран.—20 руб.

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 24—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногороднихъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССІЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается безплатно.

